

УДК-947.085(476)

<https://doi.org/10.36906/NVSU-2022/16>**Пушкаренко Е.А.**, канд. ист. наук, ORCID: 0000-0003-3048-9321Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия,**Янушевич И.И.**, канд. ист. наук, ORCID: 0000-0002-5262-5120Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА БЕЛОРУСОВ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема современной исторической науки – политические настроения на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны в контексте феномена военной повседневности. Проблема исследуется на материалах Генерального округа Беларусь и документальной базе государственных архивов Беларуси, России и Польши. Авторы выявляют исторические факторы, обусловившие специфику менталитета белорусского населения и его политических настроений в условиях оккупации.

Ключевые слова: политические настроения; менталитет; национальное сознание; Великая Отечественная война; Генеральный округ Беларусь; оккупация.

Судьба белорусского народа и белорусской государственности связана со многими историческими перипетиями. В течение длительного времени земля Беларуси выступала ареной для военных столкновений и культурно-цивилизационного противостояния сопредельных держав. Военная повседневность стала тем фактором, который предопределил формирование определенных специфических черт менталитета белорусов. А вместе с этим и политические настроения в периоды радикальных исторических перемен и политических потрясений.

Одной из ярких отличительных черт белорусской ментальности, обусловленных длительным периодом отсутствия собственной государственности (в периоды войн, пребывания в составе иных государственных образований – Речи Посполитой, Российской империи) – стала терпимость к власти как таковой. Знаменитая белорусская «памяркоўнасць», которую можно трактовать как рассудительность, терпимость, проявилась в выжидательной позиции большинства местного населения. В массовом сознании прочно укоренился стереотип, что власть периодически меняется и не важно, кто ее представляет, главное, сохранить свою жизнь. Для основной массы населения, проживавшей в пределах Генерального округа Беларусь (а это были преимущественно районы Западной Беларуси), непродолжительный предыдущий этап советского правления был воспринят, как очередной, на смену которому снова пришли немцы. Как следствие люди заняли выжидательную,

пассивную позицию, ожидая дальнейшего развития событий. Также немаловажным фактором в пассивном, выжидательном отношении людей к происходящим событиям стал достаточно низкий уровень этнического самосознания простых белорусов, многие из которых именовали себя «туэйтшыя», то есть «местные». Население Беларуси исторически испытывало воздействие двух сил – польской и российской, что значительно минимизировало как уровень национального самосознания, так и тенденции к национализму и сепаратизму. На это обратили внимание и представители германской администрации, указав, что пассивные по отношению к ним политические настроения обусловлены «низким национальным самосознанием» белорусов, а также «отсутствием национальной интеллигенции» [11, л. 248, 250]. При этом немаловажным фактором в формировании политических настроений стала разница в социально-экономическом положении населения в Западной и Восточной Беларуси, которые соответственно входили в состав Польши и СССР.

При этом стоит указать на полиэтничный и поликонфессиональный характер белорусского населения. Земля Беларуси стала исторической родиной для белорусов, поляков, украинцев, русских, татар, литовцев, евреев. В культурном пространстве Беларуси сочетались и взаимодействовали православие, католичество, греко-католичество, ислам, иудаизм. Очевидно, что каждый из вышеназванных народов и религий характеризовался целым рядом специфических черт, которые проявились в период немецкой оккупации 1941-1944 гг. более контрастно. Сотрудники министерства оккупированных восточных территорий зачастую называли Беларусь «национальным коктейлем» или «золушкой Рейхскомиссариата Остланд», указывая, с одной стороны, на отсутствие здесь ярко выраженных националистических сил, а с другой стороны, на второстепенное значение округа в числе остальных административных единиц рейхскомиссариата [13, с. 113].

Польский историк Туренок Ю. отмечает, что «несмотря на разные впечатления от советской действительности у белорусов и поляков, в первых донесениях айнзатцгруппы «В» из районов Западной Беларуси, отмечалось положительное отношение к приходу немецких войск со стороны обеих групп населения». Отношение населения к новой власти характеризовалось амплитудой от «довольно позитивной нейтральности» до «радости в связи с освобождением от советского ярма, которая проявилась в готовности белорусского и польского населения сотрудничать с нами в деле восстановления» [13, с. 51]. Российский исследователь Чехлов В.Ю. подчеркивает: «как советские, так и нацистские источники с редким единодушием свидетельствуют о первоначально спокойной, выжидательной и даже лояльной позиции значительной части жителей Белоруссии по отношению к оккупантам» [14, с. 23-24]. Причину этого явления мы обозначили выше, связав ее с длительным отсутствием у Беларуси государственности и ее особым геополитическим положением.

Иными были политические настроения населения в восточной и центральной частях оккупированной БССР даже в начальный период войны [4, с. 96]. В них в значительной степени проявилась просоветская позиция [9, л. 9]. В июне 1942 г. ЦК КП (б) Белоруссии докладывал в ЦК ВКП(б), что «население Белоруссии все более озлобляется против немецких захватчиков», и антигерманские настроения «перерастают в народное движение» [10, л.119].

Причины этого легко объяснимы: с одной стороны, указанные районы БССР находились под советским правлением значительно дольше, их население испытало в значительно большей степени влияние советской идеологии, выросло целое поколение молодежи, воспитанной в советских школах. С другой стороны, росту партизанского движения способствовали сами действия оккупационных властей, применявших в борьбе с партизанами тактику «выжженной земли».

При этом «сложные реалии многонационального общества Беларуси германские оккупационные власти стремились обратить в свою пользу», – отмечает белорусский исследователь Кривошей Д.А. [2, с. 4]. Первые распоряжения немецких властей были направлены на выяснение количественных и качественных характеристик местного населения. Гэбитскомиссар Минского округа в октябре 1941 г. отдает распоряжение бургомистрам о необходимости определения точного числа представителей различных национальностей, проживавших на подконтрольной им территории [7, л. 127].

Немецкая гражданская администрация округа во главе с В. Кубе активно стремилась завоевать симпатии местного населения. Основным инструментом оккупационной политики Генерального комиссара Беларуси стала пропаганда. «В. Кубе изначально сделал ставку на пропаганду как средство реализации оккупационных экономических и политических задач», – отмечалось одним из авторов ранее [8, с. 168]. Его деятельность была направлена на приобретение симпатий и доверия белорусского населения путем определенных политических уступок в области культуры, религии, образования. «С его подачи средства пропаганды активно эксплуатировали белорусскую национальную идею как наиболее козырную карту идеологического воздействия на местное население», – отмечалось нами до этого [3, с. 81]. Вызвать доверие населения и даже его симпатии должна была широкая практика т.н. «белорусизации», предполагавшей открытие школ и ВУЗов, активную культурно-образовательную деятельность, использование белорусского языка в повседневную жизнь и официальном документообороте, а также провозглашение свободы вероисповедания. К числу последних акций относилось, например, распоряжение Кубе о введении преподавания Закона Божьего для татарской молодежи [1, л. 32]. Вновь провозглашенная свобода совести преподносилась на контрасте с прежней атеистической советской практикой как значительное достижение в гарантии прав и уважение религиозных чувств народа. Результаты этой разнонаправленной идеологической деятельности можно выразить словами из отчета польских спецслужб за июль 1943 г.: «С момента ухудшения наших отношений с Россией польский политический кредит у этого населения снизился. Литовцы и белорусы склоняются одни на сторону немцев, другие – на сторону России. Они рассуждают так: немцы войну проиграют, но решающим фактором в восточной Европе не будет Польша. Поэтому для литовцев и белорусов открываются перспективы, и они неохотно говорят на политические темы с поляками, хотя до этого старались найти согласие» [5, к. 36-41].

Однако эта дихотомия во взглядах и оценках вскоре исчезла. Причина этого явления заключалась в том, что содержание пропаганды резко контрастировало с реалиями

оккупационного режима. Разграбление и уничтожение национально-культурного фонда Беларуси, геноцид евреев и цыган, методы борьбы с партизанами, превратившиеся в охоту на местное гражданское население, принудительный вывоз людей на работу в Германию – все это девальвировало демагогические лозунги Кубе о «возрождении Беларуси» и становилось тем фактором, который формировал политические настроения. Объективная реальность очень скоро изменила представления простых граждан, оказавшихся в зоне оккупации, о «новом порядке» и перспективах обретения суверенитета в составе «Новой Европы». Как следствие, радикальные метаморфозы произошли в настроениях и ожиданиях людей.

Белорусские коллаборационисты с возмущением констатировали, что «между населением советской Беларуси и белорусской интеллигенцией, присланной из Польши, полностью отсутствует согласие. Прибывшая интеллигенция со своей немецко-белорусской пропагандой попадает в пустоту. В результате, они возмущаются по поводу отсутствия националистических настроений среди советских белорусов и отсутствия понимания того, чем на самом деле является Беларусь» [6, к. 11-25]. Зерна национализма, которые так старательно пытались взрастить немецкие власти в сотрудничестве с белорусскими коллаборационистами, не принесли ожидаемых плодов. Со временем все больше возрастали ожидания и надежды людей на возвращение советской власти. Оккупационный проект «белорусизации» полностью дискредитировал себя на фоне фактического геноцида титульной нации (как известно, за период немецкой оккупации погиб каждый третий белорус).

Российский историк Ф.Л. Синицын, характеризуя политические настроения белорусского населения на завершающем этапе войны, подчеркивает, что «на основной территории Белоруссии... Красную армию встречали с радостью» [12, с. 358]. А польский историк Ю. Туронок отмечает, что «под знаменитыми спокойствием и пассивностью» белорусского населения скрывалось «полное бессилие перед двумя великими армадами, которые в страшном противоборстве решали его судьбу» [13, с. 189].

Таким образом, период Великой Отечественной войны стал очередным этапом в длительной истории белорусского народа в условиях «военной повседневности». К сожалению, война стала настолько привычным явлением, что в совокупности с отсутствием самостоятельной государственности, значительно деформировала национальное самосознание белорусов, их восприятие себя как отдельного этноса. Самоназвание «тутэйшыя» (местные) является лучшим тому подтверждением. Эти же объективные факторы обусловили и специфическое отношение белорусов к войне и власти, как социальным институтам. В менталитете белорусов прочно укоренился стереотип, что многочисленные войны Западного мира с Россией, ареной которых становилась земля Беларуси, отнюдь не касаются белорусского народа. Поэтому вновь установившаяся власть воспринималась скорее индифферентно или настороженно, пока она не проявляла себя в конкретных действиях по отношению к местному населению. Вхождение в новое политическое и культурно-цивилизационное пространство в очередной раз означало, что «белорусская национальная идея» в виде суверенной государственности снова не будет реализована. Более того, это новое языковое и культурное влияние затормозит развитие этнического самосознания, стремления к

обретению собственной государственности. В период Великой Отечественной войны проявились именно эти особенности белорусского менталитета. Отсюда и пассивное, индифферентное отношение к смене власти. Народ, как обычно, выжидал, руководствуясь только простым стремлением выжить. Вторая мировая война была воспринята как событие, которое затрагивает интересы немцев и русских, а Беларусь вновь стала ареной для боевых действий. Даже попытки оккупационных властей сыграть на белорусском национализме полностью провалились. Политические амбиции коллаборационистов в большей степени ограничивались предлагаемыми Кубе проектами «возрождения Беларуси» и ее последующего вхождения в состав «Новой Европы», при этом оккупационные власти не конкретизировали, в каких институциональных формах это должно произойти.

Еще одной специфической чертой белорусской ментальности, которая сформировалась в предшествующие исторические периоды, но ярко проявилась в период великой Отечественной войны, стала дифференциация восточных и западных белорусов на православных и католиков, а также отождествление себя с русскими или поляками. Очевидно, что длительное нахождение в составе Речи Посполитой и Российской империи, а впоследствии в БССР, наложило отпечаток на духовную культуру народа, его самосознание, политические цели и настроения. Немаловажным фактором здесь выступали образовательная, религиозная и культурная политика этих держав по отношению к местному населению. В очередной раз белорусский народ испытал на себе воздействие политики колонизации, с одной стороны, и русификации, с другой. Неудивительно, что восточные белорусы зачастую именовали себя «русскими», а западные – «поляками». Существенным фактором стала и советская политическая практика формирования «человека нового типа», а также атеистическая политика. В результате они послужили основанием для еще большего разделения на «усходнікаў» (восточников) и «заходнікаў» (западников).

В целом бесконечная череда войн, ареной которых становилась белорусская земля, превратилась в обыденном сознании местного населения в некую обыденность, «военную повседневность». Эта специфическая повседневность объективно ограничивала возможности белорусского народа на национальное самовыражение, на обретение суверенной государственности, на развитие собственного языка и культуры, на формирование страты национальной интеллигенции, которая сможет мобилизовать народ на реализацию «белорусской идеи». С другой стороны, военная повседневность обусловила развитие и закрепление таких черт как осторожность, пассивность, индифферентность, безразличие к власти и политике. Ситуация «между молотом и наковальней» только ослабляла национальные признаки, девальвировала в глазах народа какие-либо национально-государственные проекты и перспективы, потому что его единственным стремлением в условиях перманентной военной повседневности было желание выжить.

Литература

1. Генеральный комиссариат Беларусь // Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 382. Л. 32.

2. Кривошей Д.А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.). М.: Историческая память, 2017. 315 с.
3. Мамаева Т.П., Пушкаренко Е.А. Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 50. С. 80-88. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88>
4. Майнер С.М. Сталинская священная война: Религия, национализм и союзническая политика: 1941–1945. М.: РОССПЭН, 2010. 453 с.
5. Представительство правительства Польши на оккупированных территориях. Департамент информации и прессы. Восточная секция. Отчет о ситуации на Восточных землях // AAN. Sygn. 202/III. Teczka 193. К. 36-41.
6. Представительство правительства Польши на оккупированных территориях. Департамент информации и прессы. Восточная секция. Отчет о ситуации на Восточных землях // AAN. Sygn. 202/III. Teczka 201. К. 11-25.
7. Приказ гэбитскомиссара Минского округа // Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 623. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.
8. Пушкаренко Е.А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941-1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 167-174. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 66.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104.
11. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1370к. Оп. 1. Д. 56.
12. Синицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР. Национальный и религиозный аспекты: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2018. 555 с.
13. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мн.: Беларусь, 1993. 236 с.
14. Чехлов В.Ю. Отношение населения к немецкому оккупационному режиму на территории СССР 1941–1944 гг. (на примере Белорусской ССР): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 32 с.

© Пушкаренко Е.А., Янушевич И.И., 2022